

© 1992 г. ЗАВЬЯЛОВА О.И.

СИНО-МУСУЛЬМАНСКИЕ ТЕКСТЫ: ГРАФИКА — ФОНОЛОГИЯ — МОРФОЛОГИЯ

Послужив одним из каналов проникновения мусульманства в Китай, Великий шелковый путь — в своей северо-западной части на территории этой страны — стал зоной функционирования уникальных текстов, названных в настоящей работе сино-мусульманскими. Речь идет о материалах на китайском языке, которые записаны средствами арабской графики и имели хождение, по-видимому, на протяжении нескольких веков среди китайских мусульман. Последние, официально именуемые *хуэй* или *хуэйцзу*, в общем говорят на тех же диалектах китайского языка, что и окружающее китайское население¹. Незначительно отличаться друг от друга диалекты китайцев и *хуэй* могут лишь в случае сравнительно поздних миграций, к примеру, в Синьцзяне². Ср., в частности, работу Лю Лили [1], специально посвященную анализу соответствующих диалектных различий, не очень, впрочем, существенных: речь идет о достаточно близких разновидностях, характерных для западной части обширной диалектной зоны бассейна рек Вэйхэ и Хуанхэ³.

Изучение сино-мусульманских текстов, таким образом, может представлять интерес с разных точек зрения. Эти тексты являются источником сведений по китайским диалектам, в том числе по диалектной фонологии и морфонологии. Они служат материалом для исследования принципов отражения китайского связного текста средствами неероглифического письма. И, наконец, на основе чисто лингвистического анализа эти источники, как выяснилось, позволяют сделать некоторые выводы о путях проникновения мусульманства в Китай. Вместе с тем, если иероглифические памятники китайских мусульман описаны сравнительно хорошо (см., к примеру, классический труд архимандрита Палладия [5]), то тексты на китайском языке, записанные арабскими буквами, почти недоступны для исследования, хотя об их существовании сообщается в литературе [6, 7]. Причина малодоступности сино-мусульманских материалов, очевидно, кроется в том, что арабская письменность использовалась преимущественно (хотя и не только) для записи текстов религиозного содержания, которые не должны были попасть в руки немусульман. Книги, принадлежащие *ахуну* (мулле от персидского *āxūn* "учитель"), к примеру, до сих пор сжигаются, если у него нет преемника. Но даже когда арабское письмо использовалось в документах

¹ Как на это обратил наше внимание А.А. Москалев, некоторые группы, именуемые *хуэй* и живущие в окружении не китайских народов южного и юго-западного Китая, говорят все же на одном или нескольких местных языках.

² В Синьцзяне китайских мусульман называют также дунганями, *дунгань*. Происхождение этого названия, которое за пределами Синьцзяна, во внутреннем Китае, не известно и не употребляется до сих пор не установлено. Самоназвание северо-западных *хуэйцзу* — *лаохуэйхуэй* "почтенные мусульмане", "почтенные вернувшиеся", если переводить по значению иероглифов, или *чжунъюаньжэнь* "люди Центральной равнины". Эти самоназвания сохраняются также у дунган, переселившихся на территорию нынешних Кыргызстана и Казахстана в конце прошлого века.

³ Подробнее об особенностях диалектов зоны Вэйхэ — Хуанхэ см. [2, 3]. Эта зона выделена также в новейших китайских классификациях, где она именуется "зоной Центральной равнины" — по историческому названию, которое указывает либо на районы нижнего течения Хуанхэ, либо на бассейн этой реки в целом [4]. Любопытно сравнить в связи с этим также упомянутое выше самоназвание дунган.

светских — бытовых, деловых и т.п., — оно могло восприниматься как своеобразная тайнопись, доступная только мусульманам хуэй, но не китайцам, которые говорят на том же языке, однако пользуются иной — иероглифической письменностью. В результате арабское письмо служило одним из средств сохранения хуэй как отдельной группы внутри китайского общества при идентичности их языка тому языку, на котором говорит основное население страны.

Единственная известная до сих пор публикация сино-мусульманского текста за пределами Китая — это отрывок рукописи фольклорного содержания, найденной в Кайгаре в начале текущего столетия и снабженной транслитерацией и переводом А. Форке [8]. Как показывает сводная картотека-силлабарий, сделанная нами на основе этого текста, он характеризуется значительным числом вариантов в отражении одних и тех же фонетических единиц, особенно начальнослоговых согласных, и, очевидно, написан недостаточно грамотным человеком. Благодаря любезности А.А. Калимова нам удалось ознакомиться также с образцом современного сино-мусульманского текста — письмом, написанным жителем Синьцзяна в 50-е годы нашего столетия. Основой же настоящего исследования послужило редкое издание — литографированная книга, представляющая собой руководство по кайданитскому праву. Она переведена на китайский язык с арабского пособия, снабженного тюркским комментарием — "Фикх ал-кайдань" ("Кайданитское право"), и выпущена в 1906 г. в Ташкенте, в известной своими арабописьменными публикациями типографии О.А. Порцева. Автор перевода, некто Мухаммад из Линчжоу (современный Линьцзю в Нинся-Хуэйском автономном районе), предназначал свой труд — как это отмечено в послесловии на арабском языке — прежде всего детям китайских мусульман, а также людям малообразованным, не имевшим прежде подобного простого пособия.

Китайский перевод пособия имеет заголовок на арабском языке — "Тухфат ал-хуэй ал-аймйн на-с-сибйан ал-мубтади'йн" ("Подарок братьям [верующим] и юношеству на путь [веры] вступающему"). Том состоит из трех частей разного объема, также озаглавленных только по-арабски. Каждая из частей, в свою очередь, разделена на главы, арабские заголовки которых толкуются в первой строке перевода. В отличие от арабо-персидских изданий, в пособии — в соответствии с китайской традицией, согласно которой каждая часть *цзюань* имеет отдельную пагинацию, — страницы нумеруются по частям. Вместе с тем в книге последовательно проведены кустоды, свойственные арабо-персидским изданиям, — повсюду на правой странице внизу написано начало последующей левой страницы. В колофоне последней главы (особо оформленном завершении, также характерном для арабо-персидских публикаций) указана дата окончания китайского перевода — 1316 г. хиджры (1898—1899 гг.). Текст глав включает, во-первых, арабский источник, разделенный на небольшие куски, отчеркнутые сверху, и, во-вторых, следующий за каждым куском его китайский перевод, записанный средствами арабской графики. В самом переводе встречаются заимствованные слова — не только арабские, но и персидские. В основном заимствования сохраняют свое исконное написание, однако в некоторых случаях при конечном согласном отмечен краткий гласный, отсутствующий в языке-источнике. Очевидно, этот гласный неизбежно появлялся при произношении соответствующих слов китайоязычным автором перевода.

Нижеприведенный анализ основан на изучении собственно китайского текста второй части книги, насчитывающей 35 страниц, без учета арабских и персидских заимствований. Китайский текст, таким образом, характеризуется следующими особенностями графики.

1. Употребляется 29 букв, в том числе:

1) большая часть букв арабского алфавита, включая ʿā, ʿād, tā, ʿāi, ʿāin, которые в персидском языке ограничены арабскими словами;

2) четыре буквы, созданные в персидском языке на основе арабских — ʿā, ʿāim, ʿāi ja и ʿāi ʿāf;

3) отсутствующая в арабо-персидской графике, но созданная по образцу арабских букв особая буква ج (сю записывается глухая придыхательная аффриката ts^h).

Не употребляются в собственно китайском тексте арабские буквы ح *хā*, ج *zā*, ر *rā*, د *dā* и غ *gāin*; обозначение тонов отсутствует.

II. При записи китайских начальнослоговых согласных (инициалей) действуют следующие основные правила.

1. Как и во многих других иноязычных транскрипциях китайских слов — включая русскую, а также в официально принятой сейчас в Китае системе *пиньинь*, основанной на латинской графике, китайские непридыхательные (смычные и аффрикаты) передаются буквами для звонких, соответствующие непридыхательные — буквами для глухих. Ср. 大 *dā* "большой" — 他 *tā* "он".

2. Буквы ج *гяф* и ك *каф* заняты для обозначения палатализованных аффрикат, придыхательной и непридыхательной; ср. 間 *guyan* "между" — 錢 *qian* "деньги". Поэтому для непридыхательной заднеязычной инициали использована буква ق *каф*, которая соответствует глухому в арабском и звонкому увулярному в тегеранском персидском: 高 *gāo* "высокий".

В то же время параллельной "незанятой" буквы для придыхательной заднеязычной инициали не нашлось; поэтому для *k^h*-, как правило, употребляется особый графический вариант буквы ك *каф*; ср. 開 *kāi* "открывать". Вместе с тем в тексте встречаются также отдельные слоги с придыхательным *k^h*-, записанные с обычной буквой *kāf*, что, по-видимому, связано с избыточностью информации, которую несет в этом случае особый графический вариант этой буквы. Дело в том, что финали после заднеязычных, с одной стороны, и палатальных, с другой, различны, и употребление одного и того же графического варианта буквы *kāf* в обоих рассматриваемых случаях не влечет смешения разных морфем: 看 *kān* "смотреть" — 前 *qián* "вперед".

Исторически буквами *гяф*, *каф* и *сā* в случае палатализованной шелевой в равной степени обозначены те из инициалей, которые восходят к среднекитайским заднеязычным, и те, которые соответствуют среднекитайским переднеязычным. В отношении неразличения этих двух рядов инициалей в слогах с историческими палатальными финалями, таким образом, диалект, отраженный в анализируемом памятнике, совпадает с современным пекинским и со многими другими (хотя и далеко не со всеми) северными диалектами китайского языка. В то же время в проанализированном материале зафиксированы три исключения, где вместо ожидаемой буквы *rā* написана буква س *сйн*, в целом используемая в тексте для обозначения непалатализованной инициали, ср. 洗 *xi* "мыть". Непоследовательность в отражении современной шелевой палатализованной инициали, по-видимому, отражает старую или параллельную традицию, фиксирующую различие между двумя рядами исторических инициалей.

3. Наряду с обычными ت *tā* и ز *zā* при записи *t*- и *ts*- соответственно употребляются буквы для арабских эмфатических согласных — ط *tā* и ظ *zā*. Ср. следующие примеры:

堂 تَان *tān* "зал", 體 تِي *тий* "тело", 天 تِيَان *тиян* "небо";
頭 تِي *тиу* "голова", 疼 تِيْن *тин* "болеть", 土 تِي *ту* "земля";
贊 زَان *зан* "одобрять", 指 زِي *зи* "указывать", 在 زِي *зай* "в";
做 зУ *зу* "делать", 坐 зУ *зу* "сидеть".

Закономерности употребления эмфатических букв пока не ясны. С одной сто-

⁴ Вопрос о путях проникновения арабской графики и лексических заимствований к китайским мусульманам нуждается в специальном обсуждении, которому мы надеемся посвятить отдельное исследование. Ясно, однако, что системное употребление буквы *каф* в сино-мусульманских текстах основано не на ее арабском значении.

роны, большая часть примеров с этими буквами относится к слогам со слогообразующим или промежуточным гласным -и. Тем самым эмфатические могли бы отражать фонетическое явление, свойственное многим диалектам северо-западного Китая, — лабиализацию согласных перед -и. С другой стороны, приведенные выше морфемы "голова", которая часто встречается в тексте, в том числе в качестве суффикса существительных, и "болеть" имеют финали нелабиального типа. Примечательно также, что значительная часть — хотя опять-таки не все — слогоморфемы с эмфатическими имели в среднекитайском звонкие инициали. В целом же проблема употребления эмфатических букв нуждается в дальнейшем изучении на более широком материале. Равным образом пока не установлено значение буквы *س* *sād*, которая вместо обычной *س* *sūn* отмечена в морфеме *سُنْ* *sun* "посылать" и в еще одной слогоморфеме с неустановленным значением. Следует, впрочем, иметь в виду, что варианты записи одних и тех же фонологических единиц могут быть также следствием недостаточной разработанности норм сино-мусульманских текстов. Как на это обращает внимание Л.Р. Зиндер, многочисленные орфографические варианты характерны и для европейских — старопечатных и рукописных — материалов, где варьирование было в первую очередь обусловлено тем, что алфавит, которым пользовались писавшие, был обычно заимствованным [9].

III. При написании финалей (вокалическая часть слога) немногочисленность арабских гласных букв компенсируется обязательным употреблением подстрочных и надстрочных знаков, которые в арабо-персидских текстах, как известно, факультативны и обычно ставятся только в учебных и справочных материалах, в "Коране", иногда в стихах. При анализе особенностей передачи китайского вокализма средствами арабо-персидской графики удобно пользоваться терминами, предложенными А.А. и Е.Н. Драгуновыми для пекинской системы финалей [10]: финали серии "а", иначе говоря, финали, содержащие фонологический слогообразующий гласный "а"; финали серии "э", т.е. финали с фонологическим слогообразующим гласным "э"; финали непарной серии: -i, -u, -y, а также финаль -ī, допустимая только после свистящих и шипящих, которую А.А. и Е.Н. Драгуновы считали фонологически нулевой. Возможно и фонологическое решение, при котором -i и -ī (последняя произносится неодинаково после шипящих и свистящих) считаются аллофонами одной и той же независимой фонологической единицы. К непарной серии А.А. и Е.Н. Драгуновы относили также финаль -e, фонологическая интерпретация которой вызывает наибольшие дискуссии при анализе пекинской и других северных диалектных фонетических систем.

Основные правила написания финалей средствами арабо-персидской графики сводятся к следующему.

1. Среди финалей непарной серии сложностью выделяется -y, в которой используются три буквы с дополнительными знаками *кесра* и *дамма*, означающими соответственно краткие "и" и "у" в арабском. Ср. *ليوئي* *liyu'ui* "осел". Передача арабскими буквами финалей -и, -i и графически совпадающей с последней финали -ī после шипящих оказалась достаточно простой: *كوي* *ku'ui* "кость", *لي* *li* "жестокый", *شي* *shii* "камень". Вместе с тем после свистящих финаль -ī передается с помощью встречающегося в пределах данного текста только в этом случае особого знака — "вертикальной *кесры*" и с помощью знака *сукун*, означающего отсутствие гласного; ср. *اِي* *ai* "указывать". В результате средствами графики, во-первых, отражены фонетические различия в произношении финали -ī после шипящих и свистящих, во-вторых, в сочетании с последними финаль -ī интерпретируется как -ī.

2. Слогоморфемы, которые в современном пекинском и большей части других северных диалектов произносятся как *e*, в анализируемом тексте представлены графически в виде слога, построенного по модели "согласный + гласный". Записывается этот слог с помощью употребляющейся только для него бук-

вы ㄟ 'айн, которая передает в арабском верхнефарингальный щелевой звук в сочетании со знаком *fatḥa*, соответствующим краткому "а" (в сино-мусульманских текстах *fatḥa* на согласном означает финаль серии "э", см. ниже). Ср. 耳 *а'а* 'ха "ухо", 二 *а'а* 'ха "два". При слитном написании с последующим слогом используется вариант без буквы *о* ха, как, например, в сочетании 十二件 *шун'агийн* "двенадцать видов". Как отдельный слог записывается и омонимичный суффикс, который в большей части современных диалектов, его использующих, в том числе в пекинском, сливается с предыдущим слогом в единый новый однослог (на периферии северных диалектов этот суффикс по-прежнему может произноситься в виде отдельного слога — как полнотонированного, так и утратившего тон). По диалектам возможна также реализация этого суффикса в качестве слога, состоящего из чистого гласного. Вместе с тем модель "согласный + гласный" как для рассматриваемого суффикса так и для других слогомorfем соответствующей фонетической категории, — насколько можно судить по имеющимся к настоящему времени в нашем распоряжении многочисленным материалам по северным диалектам — невозможна.

Допустимо, что написание всех этих морфем в анализируемом тексте на самом деле не соответствует реальному произношению конца XIX — начала XX в., отражая архаическое состояние с носовой инициальной, сохранившееся в южных диалектах. Ср. 兒 **nzi* в среднекитайском.

3. Финали серии "а", как правило, пишутся с буквой | 'алиф. Ср. следующие примеры: 馬 *ма* "лошадь", 家 *кйя* "дом", 話 *хуа* "слова, речь", 三 *сан* "три", 訛 *хуан* "ложный". Исключение составляют финали с конечными элементами -i и -u, как двухсоставные (слоогообразующий гласный + терминаль), так и трехсоставные (медиаль + слоогообразующий гласный + терминаль). В этом случае слоогообразующий гласный обозначен поставленным на инициали или медиали надстрочным знаком *fatḥa*, означающим в арабском, как уже указывалось выше, краткий "а", а также используемым и в соответствующих арабских нисходящих дифтонгах. Ср. следующие примеры:

來 *лай* "приходить", 老 *лау* "старый";
壞 *хуай* "испортиться", 條 *тиай* "пункт".

Отсутствие буквы 'алиф в нисходящих дифтонгах, возможно, обусловлено не только графически, но также и фонетически, поскольку во многих диалектах северного Китая дифтонги -ai и -au часто произносятся с более закрытыми, чем в пекинском, слоогообразующими гласными либо вообще "стягиваются", превращаясь в монофтонги. Впрочем, и в собственно пекинском слоогообразующий гласный серии "а" в составе нисходящих дифтонгов — особенно в трехсоставных финалях — также видоизменяется, ср. [11].

4. В носовых финалях серии "а" прослеживается строгое различие между двумя рядами, соответствующими финалям с терминалями -n и -ŋ в пекинском. Первые содержат над буквой 'алиф знак *tanwīn kesra*, передающий в арабско-персидской графике краткий "а" в сочетании с "н" в конце слова. Для второго типа используется еще один — срединный вариант записи того же арабского сочетания — с буквой *нун* и знаком *sukūn*, который мы сохраняем в транслитерации. Ср. 展 *джан* "расширять" — 掌 *джан'* "ладонь".

5. В финалях серии "э" буква 'алиф никогда не пишется. Слоогообразующий гласный этой серии отличается в северокитайских диалектах, включая пекинский, значительной неустойчивостью, лабиализуясь, редуцируясь либо вообще выпадая в составе некоторых финалей. В связи с этим и в сино-мусульманских текстах способы записей финалей серии "э" более разнообразны, чем способы записи финалей серии "а".

В односоставной и двухсоставной финалях типа "медиаль + слоогообразующий гласный" последний передается при помощи знака *fatḥa*. Ср.:

得 ^{de}	da "получить";	也 ^{ye}	ya "тоже";
撒 ^{sa}	пийха "отбросить";	我 ^{wo}	ya "я";
多 ^{duo}	duya "много";		
雀 ^{que}	кийуа "воробей".		

Написание двухсоставной финали с терминально -и параллельно соответствующей финали серии "а" при том, что вместо знака *fatxa* для слогаобразующей гласной использован подстрочный знак *кесра*, обозначающий в арабском краткий "и"; ср. 少 ^{shao} шау "мало" — 手 ^{shou} шиу "рука". Однако в трех прочих финалях серии "э" слогаобразующий гласный просто опущен. Ср., к примеру, 水 ^{shui} шуи "вода".

б. Для носовых финалей серии "э" существуют два основных способа их написания, аналогичные тем, которые используются для финалей серии "а": 1) при помощи дополнительных знаков *танвйн кесра* и *танвйн дамма*, передающих в арабском в конечной позиции соответственно краткие гласные "и" и "у" в сочетании с "н"; 2) при помощи буквы *нун* с поставленным на ней знаком *сукун*. Ср. 人 ^{ren} жин "человек" — 辰 ^{chen} чин "становиться". Однако употребление этих двух способов написания носовых финалей серии "э" в анализируемом тексте непоследовательно. Одна и та же слогоморфема может записываться то одним, то другим способом. Более того, при сравнении с диалектами, различающими носовые финали серии "э" двух типов, выясняется, что среди слогоморфем, записанных со знаками *танвйн*, имеется также и те, которые в пекинском произносятся с заднеязычным -л; напротив, некоторые слогоморфемы, имеющие в пекинском переднеязычный -н, пишутся с буквой *нун*. Очевидно, в диалекте, на котором говорил автор анализируемого текста, как и в других северных диалектах, образующих компактную зону на территории современных провинций Шаньси, частично Шэньси и Ганьсу, финали, соответствующие пекинским финалям серии "э" двух типов, не различаются. Непоследовательность же в записи рассматриваемых типов финалей в тексте связана либо с тем, что автор был знаком с диалектами, где эти типы не слились, либо — что также вполне допустимо — обусловлена, как и в упоминавшемся выше случае с буквами для эмфатических согласных, недостаточно унифицированным характером сино-мусульманских текстов.

Помимо двух только что описанных способов, в анализируемом тексте имеется еще один вариант написания, невозможный в арабо-персидской графике. Он отмечен для финалей, соответствующих пекинской -еп: 冷 ^{ling} лин "холодный", 能 ^{ning} нин "мочь", которые записаны со знаками *танвйн кесра* и *сукун* одновременно. По-видимому, третий способ употребляется в слогах с теми инициалами, которые сочетаются одновременно и с финалями палатального типа и с финалями непалатальными и различают эти два типа финалей. Ср.: 定 ^{ding} дин "определить" — 能 ^{ning} нин "мочь". В то же время при инициалах с ограниченной сочетаемостью (палатализованных аффрикатах и щелевых, с одной стороны, и щиплящих, свистящих и заднеязычных, с другой) разница между финалями, соответствующими пекинским -ин, -ип, и финалями, соответствующими пекинским -еп, -еп, графически отражена только в записи инициалей. Ср. следующие примеры (в скобках указано пекинское произношение в записи пиньинь): 今 ^{jin} гхин (jin) "теперь" — 真 ^{zhen} джхин (zhen) "истинный".

Таковы важнейшие особенности графики сино-мусульманских текстов. Предварительный анализ позволяет установить для этих текстов также некоторые закономерности слитного/раздельного написания значимых единиц. Хотя рассмотренный материал записан средствами алфавитного письма, тем не менее здесь, как и в случае иероглифики, основной единицей организации текста выступает однослог, иначе говоря, слогоморфема, которая пишется, как правило, раздельно с другими слогоморфемами. Среди исключений наиболее часто встречаются следующие.

1. Сочетания указательных местоимений со счетным словом, к примеру, 這個 *hijq* "этот".
2. Сочетания числительных со счетными словами и префиксом *diu-*: 四個 *diu q'aykha* "четыре", 第四件 *diu q'aygiyan* "четвертый вид".
3. Двусложные послелогии: 中間 *diu jūn* "посередине".
4. Слова 此時 *y'ay'u* "в таком случае", 時候 *q'ayhu* "в то время как".

Для показателя атрибутивности *di* и суффикса существительных *-z'* возможны оба варианта написания — как слитный, так и раздельный с предыдущей слогоморфемой, при том что для *di*, частотность употребления которого очень высока, преобладает раздельный вариант.

Допустимо также слитное написание обычных двусложных слов, состоящих из двух знаменательных морфем: 身體 *shin' tui* "тело", 惟獨 *yui du* "единственный" (об аллахе). В проанализированном тексте зафиксированы также два случая слитного написания глагола со стоящим после него зависимым словом: 吃他 *chit ta* "съесть его", 抬兩手 *tai lian* "поднять обе руки". Слитно написано четыре раза встретившееся в тексте сочетание 你知道 *nid juiday* "ты знаешь".

Представляется, что обязательным, хотя и не достаточным условием слитного написания двух или более слогоморфем является их принадлежность к одному и тому же "ритмическому", или фонетическому слову. Последнее ограничивает в северокитайских диалектах морфонологические процессы, связанные прежде всего с чередованиями и нейтрализацией тона, и может включать как лексические слова, так и словосочетания. Многосложные фонетические слова, очевидно, представляют собой те комбинации слогоморфем различной степени связанности, которые, по мнению В.Б. Касевича, прежде всего представлены в языках типа китайского (при том что единицы, соответствующие слову, занимают в системе этих языков периферийные позиции) [12]. Согласно экспериментальным данным Т.П. Задосенко, деление синтагмы на фонетические слова — так же, как деление предложения на синтагмы — определяется семантико-грамматическими связями внутри нее, но эта зависимость не однозначна и допускает варианты [13]. Возможность и необходимость объединения того или иного сочетания слогоморфем в фонетическое слово зависит также от частотности употребления этого сочетания в речи данного индивидуума. Как показали, в частности, исследования М. Шерарда на материале шанхайского диалекта, чем чаще употребляется сочетание слогоморфем, чем привычней оно для говорящего, тем больше вероятность того, что при одной и той же грамматической структуре оно будет произнесено как единое фонетическое слово [14]. Похоже, что определенная зависимость между частотностью и возможностью слитного написания может быть обнаружена и при анализе сино-мусульманских текстов, хотя предположение о наличии такой зависимости — равно как и проблема деления китайского текста на фонетические слова в целом — нуждается в дальнейшем изучении на более широком материале.

В зависимости от слитного/раздельного написания с последующим слогом для некоторых финалей в проанализированном материале возникают два разных орфографических варианта, специфических для сино-мусульманских текстов, но не собственно арабо-персидского письма. Так, для финалей *-i* и *-i'* существует вариант *-u* с подстрочным знаком *kesra* на согласном, которые встречается только в срединной позиции и в арабском обозначает краткий гласный, и вариант *-ui* с буквой *ya*, который возможен как в конечной, так и в срединной позиции: 第十件 *diu shi' jian* "десятый", но 十一樣 *shu' i' yan* "десять видов". Вместе с тем показатель атрибутивности, который никогда не пишется слитно с последующей слогоморфемой, всегда представлен только с "срединным" кратким вариантом соответствующей финали — 的 *di*. Подобное написание, по-видимому, отражает краткость глас-

зоны Вэйхэ — Хуанхэ (ср. выше). Так, в материалах А. Форке морфемы 白 буйй "белый", относящаяся ко второму ряду (дэну) среднекитайского класса финалей гэн, и 黑 хий "черный", относящаяся к первому дэну среднекитайского класса финалей цзэн, имеют рифмы, одинаково входящие к серии "э".

Еще более существенно с классификационной точки зрения смещение в сино-мусульманских текстах двух видов носовых финалей серии "э", о котором шла речь выше. Синхронически этот признак охватывает четко отграниченную область северного Китая, включая помимо западной части зоны Вэйхэ — Хуанхэ так называемую зону Цзинь. Диахронически, как отмечает Ф. Дау [19], слияние двух видов носовых финалей серии "э" наличествует уже в рукописях стихотворных текстов из Синьцзяна, относящихся к VII в.

К числу наиболее существенных диалектных особенностей сино-мусульманских текстов — кроме слияния двух типов носовых финалей серии "э" — следует отнести также наличие свистящих инициалей во многих слогоморфемах с пекинскими шипящими. Оно обусловлено отличным от пекинского типом отражения среднекитайских палатализованных переднеязычных и твердых шипящих, свойственным многим диалектам северного Китая. Ср. 站 зан "стоять", 沙 са "песок".

Несмотря на то, что транскрипция "Мо цзюэ" создана несколько столетий тому назад, анализ рифм входящего тона также позволяет соотнести ее с одной из современных диалектных зон северного Китая — хэбэйско-шаньдунской, к которой принадлежит диалект Пекина. В транскрипции нашли отражение два из трех признаков, позволяющих отделить хэбэйско-шаньдунские диалекты от всех прочих севернокитайских:

а) неодинаковое произношение рифм "входящего" тона с конечным *-k в зависимости от исторического ряда в случае среднекитайских классов финалей цзэн и гэн;

б) наличие современных рифм-дифтонгов с конечным -и на месте исторического конечного *-k в случае исторических классов финалей цзэн и тун.

При этом в "Мо цзюэ" — как и во многих современных хэбэйско-шаньдунских диалектах — дифтонги в слогах с конечным *-k встречаются в тех слогоморфемах, которые в современном заимствованном слове пекинского диалекта произносятся с монофтонгами. Ср. следующие примеры, приведенные А.А. Драгуновым: 客 кайй "гость", 樂 лау "радоваться".

Оба названных признака можно также обнаружить и в наиболее значительном и до последнего времени считавшемся наиболее ранним памятнике, зафиксировавшем фонетику Даду (Пекина) XIV в. — "Чжуньюань иньюнь". Кроме того, как показали исследования С.Е. Яхонтова, хэбэйско-шаньдунское произношение рифм "входящего" тона зафиксировано уже в фонетических таблицах Шао Юна XI в., которые до сих пор относили к числу памятников, отражающих лоянское произношение (современная зона Вэйхэ — Хуанхэ) [20].

В системе носовых финалей транскрипция "Мо цзюэ" — так же, как "Чжуньюань иньюнь" и таблицы Шао Юна — сохраняет три конечных элемента: не только -п и -п, но также -т, в настоящее время исчезнувший повсюду в северных диалектах (-т на месте -п в слогах с гласным "о", зафиксированный в отдельных пунктах Шаньдуна, Шаньси и Хунани, носит вторичный характер). Тем самым в "Мо цзюэ" представлены те диалекты (хэбэйско-шаньдунские и зоны Вэйхэ — Хуанхэ кроме ее западной части), где конечный -т исчез очень поздно, а система носовых финалей в целом претерпела меньшие изменения, чем в любых других северных диалектах, включая диалекты бассейна Янцзы. Графически финали с конечным -п и -п передаются в системе "Мо цзюэ" по-иному, чем соответствующие финали в сино-мусульманских текстах, при том, что -п обозначается сочетанием 兒 -ng.

Известные нам арабописьменные китайские тексты, таким образом, представ-

лены двумя разновидностями, независимыми друг от друга как в графическом, так и в диалектном отношении. Во-первых, это "персидская" транскрипция стихотворного медицинского трактата "Мо цзюэ", созданная в XIII—XIV вв., но тем не менее отражающая фонетические особенности современных хэбэйско-шаньдунских диалектов, к числу которых принадлежит пекинский; она содержит значительное число искусственно созданных знаков и, будучи скорее всего специально созданной применительно к переводу данного памятника на персидский язык, нигде более не употреблялась. Во-вторых, это сино-мусульманские тексты северо-западного Китая, в которых зафиксирована живая разговорная речь зоны Вэйхэ — Хуанхэ, или зоны Центральной равнины. Арабская, вернее арабо-персидская графика, характерная для этих текстов, по-видимому, была широко распространена среди китайских мусульман соответствующего региона на протяжении достаточно длительного периода, точные хронологические рамки которого еще предстоит установить. Специальным предметом исследования в дальнейшем может стать также вопрос о проникновении в язык китайских мусульман арабских и персидских заимствований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лю Лили. Улунмун хуэйминь ханьхуа хэ ханьминь ханьхуа цыхуэй бицзяо (Сравнение лексики китайского языка хуэй и китайцев Урумчи) // Синьцзян дасюэ сюэбао. 1984. № 4.
2. Завьялова О.И. Некоторые вопросы лингвогеографического изучения фонетики гуаньхуа // ВЯ. 1982. № 3.
3. Zavyalova O.I. A linguistic boundary within the guanhua area // Computational analyses of Asian and African languages.
4. Ли Жун. Классификация диалектов гуаньхуа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 22: Языкознание в Китае. М., 1989.
5. Паладий. Китайская литература магометан. СПб., 1887.
6. Wexler P. Research frontiers in Sino-Islamic linguistics // Journal of Chinese linguistics. 1976. V. 4. Pt. 1.
7. Бай Шоун. Сюй (Предисловие) // Гуланьцзин (Коран). Бэйцзин, 1981.
8. Forke A. Ein islamisches Tractat aus Turkestan // T'oungpao. 1907. Ser. II. V. VIII.
9. Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987. С. 58—59.
10. Драгунов А.А., Драгунова Е.Н. Структура слогов в китайском национальном языке // Советское востоковедение. 1955. № 1.
11. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. Л., 1980. С. 52—68.
12. Касевич В.Б. Морфология. Л., 1986. С. 117.
13. Задоевко Т.П. Ритмическая организация потока китайской речи. М., 1980. С. 116—142.
14. Sherard M. A synchronic phonology of modern colloquial Shanghai // Computational analyses of Asian and African languages. 1980. No 15.
15. Csongor B. A contribution to the history of Qing Yin (neutral tone) // Acta Orientalia. 1959. No 9.
16. Pulleyblank E.G. Middle Chinese. Vancouver, 1984.
17. Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989.
18. Dragunov A. Persian transcription of Ancient Mandarin // Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS. Classe des Humanités. 1931. No IX.
19. Dow F. Nasalisation: a traditional characteristic in northwestern dialects // Journal of Chinese linguistics. 1977. V. 2. Pt. 2.
20. Яхонтов С.Е. Пекинское произношение XI в. // Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М., 1980.